

ИНСТРУМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЛАТВИИ

И. Н. Тарасов

Тарасов Илья Николаевич. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Чернышевского, 56, Калининград, 236022, Россия.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru. ORCID 0000-0001-7698-709X

Аннотация. Этническая политика в Латвии имеет сложную историю. Её формирование происходило в период восстановления независимости страны и жёсткой борьбы политических сил, которые по-разному видели будущее Латвии. Победа право-центристов в середине 1990-х гг. обеспечила этнократический характер латвийской политики, основанной на идее десоветизации Балтии. Левый фланг был занят аккумулярованием социально-экономических интересов русскоязычного населения, оказавшегося вытесненным из политической жизни страны. К концу XX в. политика сегрегации исчерпала себя, её банкротство закрепило двухобщинность латвийского социума. Попытка перехода к политике интеграции натолкнулась на сопротивление крайне правых, что привело к поляризации общества. Опыт натурализации в определённой мере снизил остроту проблемы не-гражданства, а вступление в ЕС привело к падению интереса русскоязычных жителей к борьбе за латвийское гражданство. Эмигранты из Латвии, вне зависимости от цвета национального документа, внутри ЕС оказались в сопоставимых условиях жизни, труда и быта. Если в юридической части этническая политика Латвии отошла от тактики сегрегации в пользу интеграции, то в сфере языковой и образовательной политики произошла подмена интеграции ассимиляционными экспериментами. Ныне этническая политика в Латвии находится в тупике, когда политический класс не способен на реформы, хотя и осознаёт негативные демографические и миграционные тренды, а этнолингвистические общности с трудом формулируют требования, которые бы не угрожали самой латвийской государственности. Ограниченные по своему набору инструменты этнической политики не позволяют рассчитывать на формирование целостной политической нации в Латвии в обозримой перспективе.

Ключевые слова: Латвия, этнополитика, национальные меньшинства, русскоязычное население, идентичность.

Этническая политика Латвии формируется прежде всего центральными органами власти: президентом, правительством и его отдельными министерствами (в частности, Министерством юстиции, Министерством образования и науки, Министерством культуры, Министерством иностранных дел) и подчиненными им государственными учреждениями. Международные и неправительственные организации оказывают меньшее влияние на её развитие.

У президента нет прямых полномочий, обеспечивающих реальное формирование латвийской этнической политики. По его инициативе могут проводиться публичные консультации в этой сфере. Координирующим органом выступает Совет по делам меньшинств при Президенте Республики, созданный в 1996 г. В его работе участвуют представители одиннадцати этнических меньшинств и делегаты парламентского комитета по правам человека. Результатом работы выступают рекомендации, представляемые в парламент Латвии (Jansons, 2003).

Методология исследований балтийской этнополитики

Практика этнической политики в Балтийском регионе обусловила методологический выбор большинства исследователей балтийской этнополитики в пользу инструментализма. Наиболее видными представителями этого подхода являются: Д. Хатчинсон, Э. Смит, В.А. Тишков. В понимании инструменталистов этничность — психологическое понятие, которое дремлет в общественном сознании и просыпается в случаях: когда необходима социальная мобилизация, манипулирование

или контроль, уменьшение конкуренции и другие средства для реализации групповых интересов (Тишков, 2003). В этом понимании этничность представляется как средство для удовлетворения общих потребностей и интересов, при этом она является ситуативным феноменом, т.е. её функционирование зависит от тех или иных политических и экономических условий (Hutchinson, 2009). Самоидентификация, чувство общности с нацией возникает на основе привязанности членов группы к общей истории, территории, культуре, ценностям и символам (Smith, 2009). Без чувства самоидентификации и принадлежности отдельного индивида к нации достичь должного уровня солидарности невозможно.

Этнокультурное разнообразие и общность истории четко проявлены в географическом делении интереса современных российских исследователей: значительное внимание привлекают Прибалтика и Финноскандия, причем понимаемые и как части балтийского макрорегиона, и как самостоятельные трансграничные регионы, и как условный ареал существования отдельных политий. Российских политологов интересуют: процессы, протекающие в этих странах; положение соотечественников, проживающих в них; вопросы экономического сотрудничества и эволюции политических систем, международной безопасности и милитаризации региона (Затулин, 2014; Ланко, Тарасов, Швец, 2016; Смирнов, 2016; Грибанова, Косов, 2018; Тарасов, 2008). В.А. Оленченко и Н.М. Межевич отмечают: «Не меньшее значение имеют исследования глобальных мировых и европейских проблем в привязке к региону. Масштабность и сложность проблем евроинтеграции обладает вполне очевидной спецификой в странах Прибалтики. Аналогично и фундаментальный комплекс вопросов, связанных с брекситом, существует в конкретном балтийском измерении» (Оленченко, Межевич, 2018).

Таким образом, практически невозможно в исследовательском плане «замкнуть» проблемы этнической политики в отдельной политике на самой себе, они естественным образом встроены в общий контекст балтийской этнополитики в самом широком смысле. Вместе с тем исследовательская оптика обязывает быть довольно точным, выделяя особенности положения этносов в каждой стране и территории Балтийского региона. С этой точки зрения, изучение латвийского кейса не предполагает прямой экстраполяции на иные страны, однако способно указать на инструментальную сторону реализуемой в Балтии этнической политики.

Политический ландшафт

Формирование и реализация этнической политики — прерогатива парламента и правительства Латвии. Политические расколы, которые сформировались в первой половине 1990-х гг., оказали значительное влияние на направление изменений в этой области. После парламентских выборов в 1993 г. в недрах Латвийского Народного Фронта и группы по вопросам равенства были чётко обозначены политические разногласия. Позиция «независимости» была достоянием главным образом правоцентристских и правых партий, пользующихся наибольшей общественной поддержкой. Посткоммунисты и часть левого крыла Народного Фронта перешли в оппозицию, теряя реальное влияние на государственные дела, в том числе и на проблемы положения русскоязычного населения.

Все ключевые политические реформы первых двух посткоммунистических десятилетий были подготовлены правоцентристскими силами, и они определили основные направления этнической политики в современной Латвии. В течение первого

парламентского срока, в 1993–1998 гг., доминирующую роль в сфере этнополитики играла партия «Латвийский путь», которая создала коалиционное правительство парламентского меньшинства. Разработанная модель этнической политики пыталась примирить интересы крайне правых кругов, требовавших радикальных изменений, и умеренного крыла, одновременно отклоняя требования леволиберальных сил. В результате, положения о гражданстве, сформулированные в 1991–1994 гг., носили исключительно ограничительный характер и в значительной степени урезали гражданские права русскоязычного населения. Давление Российской Федерации, постоянной миссии ОБСЕ, действовавшей в Латвии в 1993–2001 гг., критические замечания учреждений Европейского союза и деятельность президента Гунтиса Улманиса способствовали принятию в 1998 г. поправки к Закону о гражданстве, что ослабило ограничительные эффекты предыдущих нормативных актов (Блейере, 2005). Они также повлияли на содержание других ключевых норм: Закона о статусе бывших граждан Советского Союза, не являющихся гражданами Латвии или любого другого государства (1995 г.), Закона об образовании (1998 г.) и закона о защите государственного языка (1999 г.). Тем не менее основной тактикой латвийской этнической политики была сегрегация национальных меньшинств, выдавливание русскоязычного населения за пределы Латвии.

Правоцентристские группировки часто вступают в краткосрочные коалиции с правоконсервативными партиями, тем не менее они не испытывают давления и существенно не меняют направление этнополитики Латвии. Они также не поддавались давлению левых сил, которые в 1996–2008 гг. подготовили около 400 проектов правовых изменений: 30% из них касались преподавания в школах на русском языке, 30% — избирательных прав, 15% — языковой политики и 15% ограничений — возможности работать людей без гражданства Латвии (Baltruška, Indāns, Krūma, 2009).

Левые политические группы не смогли убедить избирателей и выработать альтернативы правоцентристским правительствам. Попытка сформировать единый пророссийский политический блок «За права человека в единой Латвии» (За ПЧЕЛ), предпринятая в 1998 г., не принесла ожидаемых результатов. В 2014 г. блок был преобразован в политическую партию «Русский союз Латвии».

В 2005 г. на левой стороне политической сцены появилась новая группа — Центр Согласие. Ее лидером был один из соучредителей Партии национального согласия Сергей Долгополов, который не скрывал своих пророссийских симпатий. По его мнению, тесные контакты с Москвой принесут ощутимые экономические и политические выгоды, поэтому необходимо предпринять ряд действий для обновления российско-латвийских отношений, которым должно предшествовать изменение политики в отношении русскоязычного населения в Латвии. В общем, требования Центра Согласия не были чем-то необычным. Важным событием в политической жизни страны стала победа Центра Согласия на муниципальных выборах в Риге в 2009 г. С этого момента и до 2019 г. рижскую думу возглавлял Нил Ушаков. Политический климат в столице изменился. Новый мэр сразу же после вступления в должность упрочил свои контакты с Москвой, одним из городов — партнеров Риги. Кроме того, через месяц после выборов он организовал в столице съезд латвийских русских. В последующие годы контакты между Москвой и Ригой были весьма интенсивными, что явно контрастировало с холодными отношениями на государственном уровне между Латвией и Россией.

Левые партии в борьбе за права русскоязычного меньшинства в Латвии были поддержаны неправительственными организациями. Приблизительно 200 организаций, связанных с национальными меньшинствами, действуют в Латвийской Республике. Чаще всего это культурные организации (в том числе Русская культурная ассоциация в Латвии, Союз преподавателей языка и русской культуры), организации, предоставляющие юридическую помощь, в том числе защиту прав русского меньшинства (например, Организация независимых экспертов в Латвии, Ассоциация граждан и не-граждан, Латвийский комитет, Ассоциация ветеранов и участников Ленинградской блокады и т.д.), организации, собирающие противников латвийской образовательной политики (Ассоциация поддержки русского языка в Латвии, Русский клуб, Союз русских в Латвии, Ассоциация русских в Латвии).

Большинство неправительственных организаций, объединяющих этнические меньшинства в Латвии, были небольшими и имели ограниченные финансовые ресурсы. Консолидация структур такого типа, одобренная российскими властями, смогла это исправить. Так были созданы Объединенный конгресс русских общин Латвии и Союз граждан России в Латвии и др. (Muižnieks, 2006).

Федеральные власти проводят широкомасштабную акцию, чтобы помочь русскоязычным людям, проживающим в Балтийском регионе. Различные типы организаций занимаются этим, в том числе «Русский Мир», Фонд защиты прав русских за рубежом, организация «Мир без нацизма» с местными отделениями в отдельных странах Балтии. Чрезвычайно важную роль в этом аспекте политики России также играет Россотрудничество.

Реальное влияние оппозиционных групп и пророссийских неправительственных организаций на этническую политику государства в настоящее время невелико. Латвия изменила большинство противоречивых норм, регулирующих статус меньшинств в соответствии с руководящими принципами ОБСЕ и ЕС во второй половине 1990-х гг. Сложилось несколько принципиальных позиций и политических сил, по-разному трактующих этническую политику современной Латвии.

Гражданство и равенство

Политика Латвийской Республики в отношении русскоязычного населения регулируется рядом норм, подробно определяющих компетенцию отдельных государственных учреждений. Одно из ключевых мест в этой системе принадлежит Закону о гражданстве от 22 июля 1994 г.

Отправной точкой современной этнической политики в Латвии стало отрицание соответствия международному праву советизации Балтии в 1940 г. и, таким образом, отношение к Латвийской ССР как к нелегитимному образованию. С этой точки зрения, межвоенная Латвийская Республика *de iure* не прекращала своего существования, и все правовые нормы, вместе с Конституцией 1922 г., оставались юридически значимыми. В соответствии с этой аргументацией 5 мая 1990 г. довоенная Конституция была частично восстановлена.

15 октября 1991 г. Закон о гражданстве Латвии (впервые принятый 19 августа 1919 г.) предоставил гражданство с учетом принципа *ius sanguinis*: только гражданам межвоенной Латвии и их потомкам. Новые правовые нормы отказали в гражданстве более 700 тыс. чел. Русские, украинцы, белорусы в общей сложности составляют около 30% всего населения, проживающего в стране. В официальных документах они упоминались как «бывшие граждане СССР, которые не являются гражданами Латвии или

какой-либо другой страны». В 1993 г. на основе новых правил были организованы парламентские выборы, на которых победили правоцентристы. С этого момента можно говорить о складывании этнократического образа современной латвийской политики. У так называемых не-граждан не было пассивного или активного избирательного права, возникли сложности в свободном использовании недвижимости, они были лишены прав на некоторые социальные льготы и им было запрещено занимать определенные должности на государственной службе и на государственных предприятиях. Всё это — свидетельства этнической дискриминации и сегрегации.

Основные гражданские права не-гражданами были получены только на основании Закона от 12 апреля 1995 г. В новые правила были включены представители русскоязычного населения, проживавшие в Латвии до 1 июля 1991 г. Им были гарантированы среди прочего: свободный выбор места жительства, право выезда и возвращения из-за границы, а также некоторые социальные льготы. Они также получили соответствующие документы, подтверждающие их статус. Благодаря этим изменениям они пользуются чуть более широкой защитой, чем лица без гражданства, статус которых определяется Конвенцией ООН 1954 г.

Единственным способом получить гражданство остается натурализация. Лица, подпадающие под эту процедуру, должны выполнить ряд условий, включая ценз постоянного проживания и свободное владение латышским языком, знание истории и культуры. Дополнительным затруднением долгое время были квоты натурализации (King, 2012). Закон от 22 июля 1994 г. несколько изменил Правила натурализации: теперь необходимо пять, а не шесть лет проживания, хорошее знание латышского языка, базовые знания конституции, гимна и истории Латвии, фиксированный доход, присяга Латвии и отказ от предыдущего гражданства. Стоит подчеркнуть, что, как и прежде, не каждый может претендовать на гражданство, хотя после протестов президента и международных организаций количественные ограничения были отменены, но вместо них были введены так называемые окна натурализации: на гражданство могут претендовать только люди определенного возраста, начиная с самых пожилых.

Переговоры о вступлении в Европейский союз повлияли на гибкость позиций правоцентристов. 22 июня 1998 г. была принята поправка, отменяющая систему «окон натурализации» и обязующая натурализовать детей-сирот и детей неизвестного происхождения, лиц, которые закончили обучение в Латвии, и детей без гражданства, родившихся до 21 августа 1991 г., если хотя бы один из родителей выразил такое желание. Некоторые латвийские парламентарии выступили против изменений. Правоцентристские партии не желали идти на дальнейшие уступки. Надолго вопросы гражданства были выведены за пределы общественной дискуссии.

Значительные поправки в Закон о гражданстве были внесены 9 мая 2013 г. С тех пор двойное гражданство было предоставлено лицам с паспортами стран ЕС, НАТО, Австралии, Новой Зеландии, Бразилии и стран, которые подписали соответствующие соглашения с Латвией. С Российской Федерацией такое соглашение не было подписано. Каталог ограничений в процедуре натурализации был уточнен и расширен. Натурализация оказалась недоступной для людей, подвергающих сомнению независимость Латвии, бывших офицеров советских служб безопасности, людей, пропагандирующих фашизм, шовинизм, коммунизм и служащих в военных структурах других стран без надлежащего согласия со стороны Латвии (Citizenship Law, 2015). Эти, по сути, чисто политические ограничения, хотя и понятные с точки зрения национальной безопасности, предоставляют широкие возможности для манипулирования правом.

Натурализация

Власти Латвии пытались стереть социальные различия между русскоязычным и латышскоязычным населением, способствуя натурализации, которая является одним из ключевых элементов процесса социальной интеграции. Координация этих действий легла на плечи Управления натурализации, созданного решением Совета министров от 18 октября 1994 г. С 2001 г. этот институт поддерживается Фондом социальной интеграции, который контролирует процесс перераспределения средств на интеграционные инициативы. Важно отметить, что он имеет как государственные, так и частные ресурсы, в том числе полученные из-за рубежа. В определённом смысле либерализация процесса натурализации знаменует переход от политики сегрегации к политике интеграции.

Однако начало было не очень обнадеживающим. До ноября 1998 г. было подано менее 14 000 заявлений на получение гражданства. Вероятно, проблема заключалась в относительно высоких затратах на процедуру и недостатке знаний о ней. Кроме того, некоторые молодые жители откладывали решение о натурализации, потому что люди, не имеющие латвийского гражданства, были освобождены от военной службы. Они также могут пересекать границу с Российской Федерацией без виз. Часть русскоязычного населения, особенно пожилые люди, практически не знали латышского языка и не могли сдать государственный экзамен, а из-за сложной финансовой ситуации они не могли позволить себе оплатить языковой курс. Ещё одна группа просто не видела необходимости обращаться за гражданством.

Незначительный прогресс в деле натурализации побудил латвийские власти изменить процедуру. В 2001 г. её стоимость была значительно снижена для самых бедных людей. Кроме того, ученики, которые сдали государственный экзамен по латышскому языку в средних школах, были освобождены от обязанности сдавать языковой экзамен. Также были организованы бесплатные языковые курсы для людей, заинтересованных в гражданстве Латвии.

Либерализация процедуры натурализации и членство Латвии в Европейском союзе повысили интерес к латвийскому гражданству — латвийский паспорт значительно облегчает поездки в Европу и Северную Америку (граждане Латвии и Эстонии могут путешествовать в США без виз с 2008 г.) и позволяет им устроиться на работу в странах Европейского союза. Так, в 2004 г. 21 297 чел. подали заявления на натурализацию, а в 2005 г. — 19 807 чел., но уже к 2017 г. — только 915, а в 2018 г. — 930. По данным Управления натурализации, до 2014 г. гражданство Латвии получило более 142 тыс. жителей (Волков, 2013). В то же время число лиц без гражданства резко сократилось: с более чем 700 000 в первой половине 1990-х гг. до 214 тыс. в 2018 г. Такое резкое сокращение русскоязычного населения в Латвии является, среди прочего, результатом негативных демографических тенденций. По прогнозам к середине века, если ничего не менять в процедуре натурализации и учитывая миграционные и демографические тренды, то в стране по-прежнему будет не менее 34 тыс. не-граждан. При этом растёт число граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Латвии или имеющих вид на жительство в этой стране, полученное на основе инвестиционных проектов, которые не требуют ни знания латышского языка, ни основ латвийского права, ни уважения к независимости Латвии.

Языковая политика

Другим элементом новой латвийской этнической политики стал языковой закон, ухудшивший положение русскоязычного населения. Стоит отметить, что для большей части советского периода единственным государственным языком в Латвии был русский. Латвийский язык приобрел статус второго государственного языка только на основании постановления Верховного Совета ЛатССР в 1988 г. Через год (5 мая 1989 г.) были введены положения, лишающие русский язык статуса государственного языка. В 1992 г. власти создали Центр государственного языка и Государственную инспекцию по языку. Согласно новым правилам, все сотрудники государственных учреждений и предприятий, образовательных учреждений и общественных организаций должны были владеть латышским языком на уровне, позволяющем им выполнять свои обязанности. Кроме того, официальные документы и корреспонденция могут быть подготовлены только на государственном языке.

Эти положения действовали до 1999 г., когда был принят новый закон о государственном языке, в котором подробно говорилось о защите латышского языка, а также ливского языка, используемого небольшой этнической группой ливов и языка латгальцев, признанного историческим вариантом латышского языка.

Российские власти и пророссийские неправительственные организации требовали внесения изменений в эти правила в течение двадцати пяти лет. В 2011 г. необходимые 10% подписей лиц, имеющих право голоса, были успешно собраны и в следующем году был организован референдум о предоставлении статуса государственного языка русскому языку. Несмотря на большую мобилизацию пророссийских сторонников, только 24,88% избирателей поддержали эту идею (CVK, 2012).

Образование и идентичность

Проблема функционирования русского языка в публичной сфере связана с вопросом реформирования системы образования. После восстановления независимости латыши опасались, что существующая параллельная система образования меньшинств может усилить пророссийскую ориентацию и препятствовать изучению государственного языка. Первые шаги по минимизации этой угрозы ограничивались изменением учебной программы в школах для меньшинств. В 1995 г. было введено обязательство изучать определенное количество предметов на латышском языке (в начальной школе — два, в средней школе — три). Новые правила вступили в силу с 1996–1997 учебного года.

В 1998 г. был принят Закон об образовании, который с 1999 г. вводил постепенно двуязычную модель обучения. С 2004 г. все школы для меньшинств должны были проводить как минимум 60% занятий на латышском языке и переходить на латышскую систему оценки знаний. С 2007 г. школьные экзамены готовятся исключительно на латышском языке (Malmlöf, 2006, 54). В 2018 г. были приняты поправки к законам об образовании и о всеобщем образовании. К 2022 г. дошкольное обучение и преподавание в начальных классах (с 1-го по 6-й) будет осуществляться по трем моделям (при этом половина предметов преподается на латышском языке), на завершающем этапе основного образования (7–9-й классы) 80% предметов будут преподаваться на латышском, в средней школе (10–12-й классы) обучение будет вестись исключительно на нем.

Эти изменения являются частью обширной Национальной интеграционной программы (она вступила в силу в 2001 г.), официальная цель которой — позволить русскоязычной молодежи постепенно освоить государственную систему образова-

ния, облегчая изучение латышского языка. Её долгосрочной целью является увеличение числа людей, говорящих на государственном языке, идентифицирующих себя с латвийским государством (Priedīte, 2005).

Русско-латвийские споры о статусе русскоязычного населения в Латвии связаны с проблемой сосуществования на постсоветском пространстве двух принципиально разных моделей политики памяти: модели десоветизации и неоимперской модели. Обе модели основаны на мифологизации советского прошлого — с одной стороны, «ужасного», с другой стороны — «прекрасного».

Заключение

С момента провозглашения независимости латвийские власти сознательно проводят политику десоветизации, которая является одним из ключевых элементов утверждения суверенитета и государственной идентичности. Косвенно эти действия также оправдывают дискриминационную этническую политику Латвийской Республики. Деление на сторонников и противников десоветизации совпадает более или менее с этническим разделением: его сторонники в основном говорят по-латышски, противники — русскоязычное население. В общественном дискурсе формируются стереотипные изображения противника: латыши изображаются как радикальные националисты и даже фашисты и русскоязычное население — как советские оккупанты (Zelče, 2009).

Поляризация латвийского общества отчетливо видна во время празднования Дня памяти латышского легиона Ваффен-СС (16 марта). Марши ветеранов и им сочувствующих вызывают волну протеста со стороны русскоязычного сообщества и еврейской общины. Иногда происходят жестокие столкновения. Власти же занимают позицию молчаливого потворствования неонацистам. Аналогичная напряженность сопровождает День Победы (9 мая), который из праздника ветеранов превратился в политическую манифестацию русскоязычного актива. Представители русскоязычного населения неоднократно подчеркивали, что Латвия обязана своим освобождением от нацистской оккупации Советской армии, а советский период был временем расцвета местной промышленности и экономического процветания. По этой причине дискриминационная этническая политика Латвии является неоправданной и несправедливой.

Этническая политика в долгосрочной перспективе направлена на формирование новой идентичности русских в Латвии — «евро-россиян» или «латвийцев» вообще. Вместе с тем такая политика не имеет ничего общего с формированием целостной гражданской нации в Латвии, которая до сих пор остается двухобщинным социумом — прямым следствием сегрегации начала 1990-х гг. Несмотря на небольшие сдвиги, политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны. Нет никаких признаков того, что эта тенденция изменится в ближайшие годы.

Библиографический список

- Блейере, Д. (ред.). (2005). *История Латвии. XX век*. Рига: Юмава.
- Волков, В. В. (2013). Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках. В В. В. Полещук, В. В. Степанов (ред.) *Этническая политика в странах Балтии*. М.: Наука

- Грибанова, Г. И., Косов, Ю. В. (2018). Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты. *Балтийский регион*, 10(1), 56–72
- Затулин, К. Ф. (ред.). (2014). *Сравнительный анализ правового положения соотечественников, проживающих в постсоветских странах*. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).
- Ланко, Д. А., Тарасов, И. Н., Швец, Я. В. (2016). Активность агентов «мягкой силы» Германии в Эстонии: анализ организационных факторов. *Власть*, 24(12), 223–231.
- Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. (2018). Прибалтийские исследования в 2017 году. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки*, 3, 5–13.
- Смирнов, В. А. (2016). Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России. *Современная Европа*, 21(5), 56–61.
- Тарасов, И. Н. (2008). Конструирование новой «Восточной политики» Европейского союза. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 2, 18–30.
- Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.
- Baltruks, S., Indāns, I., Krūma, K. (2009). *Enacting Non-citizenship in Latvia: Challenges to National and European Frameworks*. Brussels: ENACT Consortium.
- Citizenship Law (2015). Retrieved from http://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Likumi/Citizenship_Law.doc
2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta “Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē” pieņemšanu Rezultāti (2012). CVK. Retrieved from <http://www.tn2012.cvk.lv/report-results.html>
- Esman, M. (1994). *Ethnic politics*. Retrieved from <http://www.questia.com/read/103734301/ethnic-politics>
- Hutchinson, J. (2009). Warfare and the Sacralisation of Nations: The Meanings, Rituals and Politics of National Remembrance. *Millennium Journal of International Studies*, 38(2), 401–417. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829809347538>
- Jansons, A. (2003). Ethnopolitics in Latvia: Ethnopolitical Activities of State Institutions and Non-governmental Organisations and their Influence on the Social Integration Process. *Ethnicity Studies*, 1, 124–133.
- Kamusella, T. (2001). Language as an instrument of national-ism in Central Europe. *Nations and nationalism*, 7(2), 235–251.
- King, V. O. (2012). Latvia's Unique Path toward Independence: The Challenges Associated with the Transition from a Soviet Republic to an Independent State. *International Social Science Review*, 87(3/4), 127–154.
- Mamlöf, T. (2006). *The Russian Populations of Latvia — Puppets of Moscow?* Stockholm: FOI — Swedish Defence Research Agency.
- Mellor, R. (1989). *Nation, State, and Territory: A Political Geography*. London: Routledge.
- Muižnieks, N. (Ed.) (2006). *Russian Foreign Policy towards „Compatriots” in Latvia. Latvian-Russian Relations. Domestic and International Dimensions*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Priedīte, A. (2005). Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 5, 409–424.
- Schopflin, G. (1995). *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West. Nationalism and Nationalities in the New Europe*. NY: Cornell University Press.
- Smith, A. D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge.
- Smootha, S. (2001). The Model of Ethnic Democracy. *ECMI Working Paper # 13*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/8e61/c03955b467b6946ffc56f4453b014b150aa8.pdf>

Zelče, V. (2009). History – Responsibility – Memory: Latvia's Case. In J. Rozenvalds, I. Ijabs (Eds.) *Latvia Human Development Report 2008/2009. Accountability and Responsibility*. Riga: Advanced Social and Political Research Institute.

Статья поступила в редакцию 08.05.2019

Статья принята к публикации 28.05.2019

Для цитирования: Тарасов И.Н. Инструменты этнической политики в Латвии. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 34–44.

INSTRUMENTS OF ETHNIC POLICY IN LATVIA

I. N. Tarasov

Ilya N. Tarasov, Baltic Federal University named after E. Kant, 56, Chernyshevskii Str., Kaliningrad 236022, Russia. E-mail: Itarasov@kantiana.ru. ORCID 0000-0001-7698-709X

Abstract. Ethnic policy in Latvia has a complicated history. It was shaping itself during the restoration period of Latvia's independence and through fierce struggle of political forces that understood the country's future in radically different ways. The victory of the center-right politicians in the middle of the 1990s secured the ethnocratic nature of Latvian policy that was based on de-sovietization of the Baltics. The leftists were busy accumulating social and economic interests of the Russian-speaking population that was excluded from political life. It became clear that by the end of the XX century the policy of segregation had failed ipso facto securing the bi-community of Latvian society. The attempt to move on to the policy of integration met with the opposition of the ultra-rights, thus causing the polarization of the society. Attempt at naturalization has brought down the acuity of the problem of non-citizenship to some extent; at the same time, EU accession resulted in the fall of the Russian-speaking population interest in their fight for Latvian citizenship. Immigrants from Latvia, irrespective of the color of their passport, found themselves in the comparable living and working conditions inside the EU. It is important to emphasize that while in its legal part the ethnic policy of Latvia moved away from segregation tactics in favor of integration, there occurred the substitution of integration for experiments in assimilation in language and educational policy. The ethnic policy of Latvia reached a deadlock, now that the politicians are not able to carry out reforms, even though they are aware of negative demographic and migration trends, while ethno-linguistic communities can hardly formulate the requirements to avoid threatening the statehood of Latvia.

Keywords: Latvia, ethnic policy, national minorities, Russian-speaking population, identity.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-34-44

References

- Bleiere, D. (Ed.). (2005). *Istoriia Latvii. XX vek* [The History of Latvia. XX century]. Riga: Jumava.
- Volkov, V. V. (2013). Demografiia russkogo naseleniia Latvii v XX–XXI vekakh [Demography of Latvia's Russian Population in the XX–XXI centuries]. In V. V. Poleshchuk, V. V. Stepanov (Eds.) *Etnicheskaia politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic Countries]. M.: Nauka.
- Gribanova, G. I., Kosov, Yu. V. (2018). Politika NATO na Baltike – tseli i priority [NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities]. *Baltiiskii region* [Baltic Region], 10(1), 56–72.
- Zatulin, K. F. (Ed.). (2014). *Sravnitel'nyi analiz pravovogo polozheniia sootchestvennikov, prozhivaiushchikh v postsovetikh stranakh* [Comparative Analysis of the Legal Status of Compatriots in Post-Soviet Countries]. M.: Institut diaspory i integratsii (Institut stran SNG).
- Lanko, D. A., Tarasov, I. N., Shvets, Ya. V. (2016). Aktivnost' agentov "myagkoi sily" Germanii v Estonii: analiz organizatsionnykh faktorov [The Active Agents of Soft Power of Germany in Estonia: Analysis of Organizational Factors]. *Vlast'* [The Power], 24(12), 223–231.
- Olenchenko, V. A., Mezhevich, N. M. (2018). Pribaltiiskie issledovaniya v 2017 godu [Baltic Studies in 2017]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 3, 5–13.
- Smirnov, V. A. (2016). Vneshnyaya politika stran Pribaltiki v otnoshenii Rossii [The Role of the Baltic States in the Policy of EU Sanctions against Russia: Theoretical Aspects]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 21(5), 56–61.

- Tarasov, I. N. (2008). Konstruivanie novej "Vostochnoj politiki" Evropejskogo sojuz [Constructing a new "Eastern Policy" of the European Union]. *Politiya* [Politeia], 2, 18–30.
- Tishkov, V. A. (2003). *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research on Socio-Cultural Anthropology]. M.: Nauka.
- Baltruks, S., Indāns, I., Krūma, K. (2009). *Enacting Non-citizenship in Latvia: Challenges to National and European Frameworks*. Brussels: ENACT Consortium.
- Citizenship Law (2015). Retrieved from http://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Likumi/Citizenship_Law.doc
2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta "Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē" pieņemšanu Rezultāti (2012). CVK. Retrieved from <http://www.tn2012.cvk.lv/report-results.html>
- Esman, M. (1994). *Ethnic politics*. Retrieved from <http://www.questia.com/read/103734301/ethnic-politics>
- Hutchinson, J. (2009). Warfare and the Sacralisation of Nations: The Meanings, Rituals and Politics of National Remembrance. *Millennium Journal of International Studies*, 38(2), 401–417. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829809347538>
- Jansons, A. (2003). Ethnopolitics in Latvia: Ethnopolitical Activities of State Institutions and Non-governmental Organisations and their Influence on the Social Integration Process. *Ethnicity Studies*, 1, 124–133.
- Kamusella, T. (2001). Language as an instrument of national-ism in Central Europe. *Nations and nationalism*, 7(2), 235–251.
- King, V. O. (2012). Latvia's Unique Path toward Independence: The Challenges Associated with the Transition from a Soviet Republic to an Independent State. *International Social Science Review*, 87(3/4), 127–154.
- Mamlöf, T. (2006). *The Russian Populations of Latvia — Puppets of Moscow?* Stockholm: FOI — Swedish Defence Research Agency.
- Mellor, R. (1989). *Nation, State, and Territory: A Political Geography*. London: Routledge.
- Muižnieks, N. (Ed.) (2006). Russian Foreign Policy towards „Compatriots” in Latvia. *Latvian-Russian Relations. Domestic and International Dimensions*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Priedīte, A. (2005). Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 5, 409–424.
- Schopflin, G. (1995). *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West. Nationalism and Nationalities in the New Europe*. NY: Cornell University Press.
- Smith, A. D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge.
- Smooha, S. (2001). The Model of Ethnic Democracy. *ECMI Working Paper # 13*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/8e61/c03955b467b6946ffc56f4453b014b150aa8.pdf>
- Zelče, V. (2009). History — Responsibility — Memory: Latvia's Case. In J. Rozenvalds, I. Ijabs (Eds.) *Latvia Human Development Report 2008/2009. Accountability and Responsibility*. Riga: Advanced Social and Political Research Institute.

Received 08.05.2019

Accepted 28.05.2019

For citation: Tarasov A.N. Instruments of Ethnic Policy in Latvia. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 34–44.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).